

Алистер Кроули

Духовидец

Неудивительно, что древо магической работы, которую P[erdurabo] столь напряженно вел на протяжении последних семи месяцев, вскоре расцвело и покрылось цветами красоты необычайной и дивной. А именно, уже в первых числах ноября 1899 года у него начались удивительные видения, не менее причудливые и сложные, чем многие из тех, которые лицезрели в свое время Блейк или святой Франциск.

Но прежде, чем перейти к описанию этих видений, необходимо пояснить, что под видением вообще мы подразумеваем психологическое состояние, столь же определенное, и факт, столь же истинный и непреложный для духовного зрения, сколь определенным и непреложным для зрения физического является, к примеру, созерцаемый им пейзаж. Поэтому, когда нам случается заявить, что «он увидел ангела», мы подразумеваем столь же подлинный факт, как если бы утверждали, что «он увидел гору» или «он увидел корову». Однако из этого не следует, что мы убеждены, будто ангелы или, если уж на то пошло, коровы существуют сами по себе, независимо от нас. Может быть, они и впрямь существуют, а может, и нет. Мы же хотим сказать только то, что и ангелы, с одной стороны, и горы или коровы — с другой, суть идеи, равные между собой по значимости в тех сферах, к которым они соответственно относятся, то есть первые — в астральной, а вторые — в материальной; что каждой из этих идей отведено свое законное место в бытии, чем бы ни являлось это последнее; что все переживания — нормальные или аномальные, не дотягивающие до нормы или, напротив, далеко ее превосходящие, толкуемые как иллюзии или признаваемые за достоверный факт, — совершенно равноценны друг другу до тех пор, пока обусловлены Временем; и что сон по природе своей столь же реален, как и явь, хотя и относится к другому плану бытия, свойства и условия которого могут быть описаны и измерены только при помощи методов экспериментальной науки.

Наука развивается путем накопления и объединения фактов, из последующего обобщения которых рождается та или иная теория — в случае, если факты эти получают всеобщее признание как некая данность. К примеру, я могу принимать как данность, что, подбросив мяч, я вовсе не обязательно его поймаю. Но если, предположим, я никогда в жизни не подбрасывал мячей, а затем вдруг попробовал подбросить — и поймал, и так неизменно повторялось снова и снова, то, скорее всего, где-нибудь на девятьсотдевяностодевятимиллионном броске я приду к выводу, что подброшенный мяч удастся поймать всегда, и заявлю, что это — закон природы¹. И, тем не менее, если я остановлюсь на этом заключении, не отдавая себе отчета в том, что в любой момент мне, быть может, придется пересмотреть выведенный мною закон, я выкажу себя тупоголовым догматиком, а отнюдь не прозорливым мужем науки, неизменно готовым смотреть на вещи под новым углом и реформировать отжившие свой век теории².

¹ «Почему более чем вероятно, что все люди должны умереть, что свинец не может сам собой висеть в воздухе, что огонь истребляет дерево и заливается водой? Только потому, что эти явления согласуются с законами природы и требуется нарушение этих законов или, другими словами, чудо для того, чтобы их предотвратить» (Юм, iv, стр. 133).

«Но если умерший человек оживет, это будет чудом, ибо такое явление не наблюдалось никогда, ни в одну эпоху и ни в одной стране» (Юм, iv, стр. 134). — *Примеч. авт.*

Цитаты из главы X «Исследования о человеческом разумении» (1748) британского философа-эмпирика Дэвида Юма (1711—1776); рус. пер. С. Церетели.

² «Если бы кусок свинца оставался висеть в воздухе сам по себе, это действительно было бы “чудом”, то есть явлением удивительным; однако человек, сведущий в методах науки, ни на миг не допустит, что это явление нарушает законы природы. Он попросту примется исследовать условия, повлекшие за собой столь маловероятный феномен, и в результате расширит сферу своего опыта и уточнит

До рождения Коперника все полагали, что Солнце вращается вокруг Земли; это было признанным фактом — быть может, самым непреложным из всех, которые принимал когда-либо на веру человеческий ум; но затем пришел вышеупомянутый просвещенный мудрец и показал, что этот так называемый факт — обычное заблуждение, детская ошибка, бессмысленная оптическая иллюзия. И такая же участь уготована всей псевдонаучной догматике.

Для ребенка, никогда не видевшего обезьяны, обезьяна лежит за пределами сферы его познаний; но после того, как он однажды увидит ее, со стороны других детей глупо будет утверждать: «Ничего подобного, на самом деле никакой обезьяны ты не видел! Обезьян не существует! Мы знаем это наверняка, потому что сами никогда их не видели!» К этому, как нетрудно заметить, сводится старый, как мир, «решающий аргумент» вольнодумцев³: «Бога нет, потому что у нас нет опыта восприятия Бога»⁴... «Южного полюса не существует, потому что нам не довелось потоптаться вокруг него как следует и вырезать на нем перочинным ножичком свои имена!»

Но что такое знание?

Есть нечто (скажем, что оно *существует*).

Что же существует?

— Существоваю я, — отвечает Идеалист. — Я, и только я один!

— Ничего подобного! — восклицает Материалист. — Ты, конечно, существуешь, но не ты один! Я тоже существую — ведь я же с тобой говорю!

— Дурак! — огрызается Идеалист. — Ты что, не понимаешь, что ты со своим дурацким аргументом — всего лишь часть меня?

— Но не станешь же ты утверждать, — возражает Материалист, — что не существует вселенной, Эволюции Человека или, на худой конец, этого вот Джуда Маккочана⁵!

— Допустим, все это существует, — вздыхает Идеалист, — но точно так же существуют и отражения обезьяньих гримас в зеркале. Да, конечно, они существуют — но только в зависимости от моего собственного сознания.

— Однако мир слепца, — вмешивается Мистик, — совершенно непохож на мир человека глухого, а оба они, в свою очередь, многим отличаются от мира, в котором живет физически полноценный человек. Точно так же и животные, чьи органы чувств отличаются от наших, обитают в мире, совершенно не похожем на наш. Дать глаза слепому червю — все равно, что наделить нас неким шестым чувством. Поэтому мир во всем зависит от состояния наших чувств; он изменяется сообразно их развитию и угасанию; и сколь же разительно должен отличаться мир человека, вышедшего из тюрьмы своих чувств, от вселенной того, кто все еще остается в стенах этой темницы! Если можно представить себе ребенка, родившегося слепым (в племени слепцов), но под старость лет прозревшего и вступившего тем самым в новый мир, то почему нельзя вообразить человека, обладающего нормально развитыми органами чувств, но внезапно обретшего

свои представления о законах природы, оказавшиеся, по свидетельству этого опыта, слишком узкими» (Гексли, трактат о Юме, стр. 155).

«Допустим, некий философ заявил, что лучше пойдет против всех единодушных свидетельств, чем поверит в то, что умерший воскрес; но эти слова были опрометчивы, ибо сама его вера в невозможность воскресения основана на всеобщих свидетельствах. А если случай воскрешения подтвердится, что тогда? Что мы должны будем отвергнуть — свидетельства или здравый смысл? Сама постановка вопроса абсурдна. Мы должны будем сделать вывод, что попросту ошибались, считая, будто воскрешение невозможно» (Элифас Леви, «Учение высшей магии», стр. 121, 158; см. также стр. 192).

Также см.: Дж.Ф.Ч. Фуллер, «Звезда на Западе», стр. 273—278. — *Примеч. авт.*

³ Не путать со свободомыслящими людьми! — *Примеч. авт.*

⁴ Другое дело, если бы они заявили: «Для нас Бога не существует, потому что у нас нет опыта Его восприятия». Это было бы совершенно справедливо, если бы такого опыта у них действительно не было. — *Примеч. авт.*

⁵ Джуд Маккочан (Judas McCabbage) — шуточный пример конкретного «обычного человека», встречающийся в некоторых философских работах Кроули того периода.

еще одно чувство или вышедшего в некое иное измерение⁶? И если бы слепец, насладившись зрением несколько минут, затем неожиданно утратил его снова, ему составило бы немало труда объяснить своим слепым братьям, что он видел; прежде всего, никто бы ему поверил; да и выразить чудеса страны зрячих на языке страны слепцов оказалось бы настолько сложно, что он, скорее всего, предпочел бы молчание всем попыткам тщетных разъяснений. Именно так обычно и происходит с истинными адептами; а тех, кто все же пытается объясниться, чернь объявляет сумасшедшими.

— Итак, — продолжает Мистик, — вы оба несете чушь, каждый со своей колокольни. Ибо в Материальном Мире полнотой существования обладает Материя, в Мире Чувств — Чувства, а в Мире Духовном — Дух. Но из того, что в Мире Чувств корова или ангел существуют для нас только в качестве идей, вовсе не следует, что корова не может существовать в Материальном Мире в качестве говядины, а ангел — в Мире Духовном в качестве некоего духа.

— А мне, — перебивает Скептик, — внушают сомнение все три ваши позиции. Ведь вы все рассуждаете в категориях некоей цепи событий — неважно, материальной, чувственной или духовной; а, значит, подразумеваете, что все эти ваши три мира подчинены Причинно-Следственным Связям. Но что, если мы исключим из рассмотрения Материю, Чувство и Дух? Мы тотчас лишимся Пространства и Времени — этих братьев-близнецов, гипотеза о существовании которых выводится именно из понятий Материи, Чувства и Духа, которые мы только что отправили на покой.

— А не кажется ли вам, — выходит на сцену последователь Научного Иллюминизма, — что неплохо бы проснуться и заняться делом, вместо того чтобы тратить свою жизнь на сны? Вас четверо — так, может быть, вам стоит обратить внимание на тех четырех керубим, о которых говорил Иезекииль?

Истина в том, что, каким бы именем вы ни называли иллюзии этой жизни — зовите их хоть веществом, хоть идеями, хоть галлюцинациями, — все это совершенно неважно, ибо вы все равно находитесь в них, а они — в вас. Важно лишь то, что вам необходимо выбраться из них и выдворить их из себя, и чем меньше вы будете спорить и рассуждать об именах, тем лучше, поскольку все подобные споры лишь усугубляют путаницу и ведут к напрасной трате времени и сил.

Поэтому давайте просто назовем вселенную совокупностью существующих явлений и на этом остановимся, потому что до тех пор, пока мы с нею работаем, не имеет ни малейшего значения, что именно мы подразумеваем под каждым из слов этого определения. Итак, и Наука, и Магия, и ангелы, и коровы, и пейзажи за окном, и духовные видения — все это суть части упомянутой совокупности; и разница между ними — не больше, чем между поэтом и торговцем сыром или между слепцом и зрячим. Чем зорче глаз, тем более совершенно зрение физическое; чем яснее духовный взор, тем более совершенны видения. У ястреба глаза острее, чем у совы; и точно так же поэт зорче торговца сыром, ибо в зрелом стилтоне первый видит красоту, а второй — только возможность выручить по два шиллинга шесть пенсов за фунт.

Истинное видение так же относится к обычной яви, как явь — к сновидению; а идеальное ясное и четко организованное видение представляет собою Реальность настолько близкую к совершенству, что облечь его в слова невозможно; хотя не следует забывать, что по возвращении духовидца на материальный план оно теряет свою истинность.

Таким образом, единственный судья своих видений — сам Духовидец, ибо они принадлежат тому миру, в котором он — самодержавный Царь, и пытаться пересказать их обитателю другого мира — все равно что говорить с испанцем по-голландски.

⁶ «...то, что понятно и может быть ясно представлено, не включает в себе противоречия, и ложность такого суждения никогда не может быть доказана при помощи каких бы то ни было демонстративных аргументов или отвлеченных априорных рассуждений» (Юм, iv, стр. 44). — *Примеч. авт.*
Цитаты из главы IV «Исследования о человеческом разумении» Дэвида Юма; рус. пер. С. Церетели.

Следовательно, наша задача — создать, если это возможно, некий всеобщий язык. Именно в этой работе и помогли R[erdurabo] ритуалы Золотой Зари и изучение каббалы; итак, когда мы говорим о квадратуре круга, слепящей тьме, безмолвных голосах и т.д., и т.п., все, кто изучил алфавит хоть какого-нибудь из магических языков, легко поймут нас, а остальным стоило бы этим заняться, если они желают и далее читать нашу книгу не без пользы и освоить тот новый магический язык и учение, который в ней предлагаются.

Зрение адепта настолько вернее обычного зрения, что, однажды достигнув его, усомниться в его истинности впредь невозможно, ибо оно преобразует всю жизнь. Блейк скорее усомнился бы в существовании своей жены, матери или своем собственном, нежели в существовании Уризена, Лоса или Лувы⁷.

Сновидения реальны, равно как и галлюцинации, горячечный бред и безумие; но все это, по большей части, реальности клипотические, неустойчивые, неуравновешенные и опасные.

Видения также реальны, равно как и вдохновение, откровение и гений; и они исходят от Кетер; перед тем, кто взберется на мистическую гору выше всех, откроется самый лучший вид, а с вершины этой горы взору предстанет всё сущее.

Ребенка, который еще только учится играть на скрипке, никто не примет за Сарасате⁸ или Паганини, ибо в извлекаемых им звуках будут явственно слышны ошибки и разлад. Так и здесь, в видениях R[erdurabo] мы поначалу видим хаос на хаосе, много борьбы и шума, рев бурных вод в ночной тьме; но затем сквозь все это смятение проступает мелодия, которая растворяется в безмолвии, порождающем, наконец, мистические книги V.V.V.V.V.⁹

Пройдем же по его стопам в поисках Камня Философов, сокрытого в недрах Горы Абиегнус¹⁰!

В записях сохранилось восемнадцать видений¹¹ за период с начала ноября до конца декабря 1898 года, но поскольку привести их все за недостатком места мы не можем, было отобрано только шесть самых интересных. Все записи велись личным шифром Брата R[erdurabo], а потому нам пришлось полностью переписать их и по мере необходимости доработать.

№5. «После пылкой молитвы я был вознесен над начертанным мною кругом¹² и стал подниматься сквозь плотный, густой туман. Вскоре, однако, воздух стал чище и немного времени спустя я очутился посреди красивого ясного неба.

Глядя вверх, в эту голубую бездну, я увидел, как прямо надо мною в небе проступает большой круг; а затем, внезапно, стоило лишь отвести взгляд от его середины, как на меня ринулся из этого круга с немыслимой скоростью образ некоего пастыря. Трепеща и не зная, что сказать, я проговорил дрожащим голосом: “Почему ты так спешишь?” На что последовал ответ: “Надо торопиться!” И тут мой взор покрыла глубокая мгла, и ужас скверны объял меня, и все растворилось в сумраке и окуталось

⁷ Персонажи видений Уильяма Блейка: *Уризен* — олицетворение рассудка и закона, зодчий вселенной; *Лос* — его противоположность, «вечный пророк» и властитель воображения; *Лува* — олицетворение любви, страсти и мятежной энергии.

⁸ *Сарасате*, Пабло де (1844—1908) — испанский скрипач и композитор. Так же, как и Никколо Паганини (1782—1840), проявил исключительные музыкальные способности в очень раннем возрасте.

⁹ *V.V.V.V.V.* — аббревиатура от «Vi Veri Vniversum Vivus Vici» (лат. «Силой Истины я победил Вселенную еще при жизни»), магического девиза Кроули на степени Мастера Храма, 8°=3°. Подробнее о получении Священных книг Телемы, исходивших от V.V.V.V.V. как одного из планов личности Кроули, см. стр. &.

¹⁰ *Абиегнус* — в учении розенкрейцеров: мистическая гора, расположенная в центре Вселенной. В недрах этой горы символически помещается «Усыпальница Адепта» — Христиана Розенкрейца. Эти образы лежат в основе ритуала Младшего Адепта, 5°=6° (см. стр. &).

¹¹ Многие из них были получены совместно с Братом C.S. — *Примеч. авт.*

¹² Перед началом работы чертился круг, как во многих операциях призывания, и духовидец становился в центре круга. — *Примеч. авт.*

непроницаемой тьмой. А затем из тьмы этой выступил человек, облаченный в синее, с кожей цвета сапфира, и вокруг него сиял фосфорический свет, а в руке его был меч.

Видя, что он приближается, я пал перед ним и взмолился быть мне проводником, на что он без лишних слов согласился.

Повернув налево, я увидел неподалеку каменную дверь и тут впервые осознал, что сам я облачен в свои белые ризы¹³. Пройдя в эту дверь, я оказался на склоне высокой скалы, уходившей подо мною вниз, в глубочайшие бездны; внезапно нога моя сорвалась со скользкого камня, я покачнулся и уже наверняка полетел бы стремглав в эту бесконечную пропасть, когда бы тот пастырь не поймал меня и не удержал на месте.

После того мне были даны крылья, и, воспарив с этого огромного каменистого утеса, подобно птице морской, я помчался вперед сквозь недвижный воздух и преисполнился великой радости.

Но полет мой длился недолго: вскоре я различил вдали перед собою холм, поднимающийся уступами и поросший серебристым мхом. На вершине его возвышался круглый храм из блистающего серебра, с куполом, увенчанным полумесяцем. И по некоей причине, неведомой мне, вид этого полумесяца поверг меня в такой трепет, что я не дерзнул приблизиться; но провожатый мой, который по-прежнему оставался со мною, увидел, что я объят великим страхом, и утешил меня, призывая набраться храбрости, так что я осмелел и наконец вошел вместе с ним в этот храм. В самой середине храма восседала перед нами некая жена, и лицо ее сияло блеском тысячи лун; и при виде ее страх мой рассеялся. Я приступил к ней и с почтением преклонил колени у ее ног.

И когда я преклонился перед нею так, она вручила мне ветви оливы и мирта, кои я прижал к сердцу моему; и тотчас великий столп дыма поднялся предо мною от земли и унес ее прочь через купол.

Мало-помалу этот могучий столп делался все прозрачней и стал источать струи дыма, что устремлялись ко мне и обвивали меня, как спирали. Я отступил назад, где остался стоять мой провожатый. Но он двинулся вперед, подав мне знак следовать за ним, и вместе мы вошли в этот великий столп и нас вознесло сквозь сияющий купол храма.

Мы поднимались все выше и выше, пронзая слои облаков и чистого воздуха, мимо звезд, оставляя внизу мириады пылающих искр, пока, наконец, не достигли огромного синего моря, на волнах которого покоилась серебряная ладья, подобная белому лебедю. И, не замедлив полета, мы устремились к этой ладье и, сойдя на нее, погрузились в глубокий сон.

Пробудившись, увидели мы, что ладья принесла нас к прекрасному острову, на котором стоял огромный храм, сложенный из серебряных плит, квадратный по форме и обнесенный могучей колоннадой. Перед ним стоял алтарь, на котором лежала как подношение некая ветвь.

Увидав тот алтарь, я подступил, и взошел на него, и принес себя в жертву на нем; и кровь, что была моей жизнью, потекла из груди моей, и окрасила грубый камень, и белый песок жадно впитал ее своими иссохшими губами... Когда же поднялся я с алтаря, то увидел, что стою один на плоской крыше этого квадратного храма, а те, что были со мною, пастырь и мой провожатый, исчезли; я остался совсем один... один...

И пока я стоял там, восток стал как аметист в объятиях сарда, и могучий трепет волненья пронзил все мое существо; и на глазах моих сард стал как лань; а когда я взглянул еще раз, восток задрожал: великий лев дня поднялся над горизонтом и, схватив эту лань, стал терзать ее своими сверкающими зубами, доколе кудрявые облака надо мною не обратились в баранье руно, покрытое каплями крови.

И трепет восторга объял меня снова и снова; и подкосились ноги мои, и я пал на колени на этой храмовой кровле. И тотчас я ощутил, как надо мною восходят другие солнца: одно — на севере, одно — на юге и одно — на западе. И то, что на севере, было

¹³ Облачение Неофита в ритуале 0°=0° G.:D.:. — *Примеч. авт.*

как великий бык, извергающий кровь и пламя из ноздрей своих; то, что на юге, — словно орел, рвущий клювом нутро нубийского раба; а то, что на западе, — как человек, поглощающий океан.

И пока я смотрел, как восходят вокруг меня эти светила, оттуда, где я стоял, незаметно успело подняться снизу пятое солнце, и было оно как великое колесо круговращающихся молний. И, взирая на Чудо, что пламенело у ног моих, я приобщился сиянию его и стал как блистающее золото; и великие крылья огня снизошли на меня, и объяли меня, и вырос я до тридцати локтей в высоту или еще того более.

А после то солнце, на котором стоял я, поднялось над прочими четырьмя, а я сей же миг оказался лицом к лицу с неким старцем с белоснежной бородою; лик его сиял милосердием. И, глядя на него, я вдруг почувствовал желание протянуть руку и коснуться его бороды, и желание это становилось все сильнее, как вдруг послышался голос: “Дотронься, тебе дозволено”.

И вот я протянул руку мою и робко коснулся сей достопочтенной бороды. Старец же наклонился ко мне и запечатлел поцелуй на челе моем. И так сладок был тот поцелуй, что я хотел продлить его; но время мое истекло, ибо другие четыре солнца поднялись на одну высоту с моим собственным.

И, увидев это, я расправил свои крылья и ринулся вниз, сквозь бесконечные пелены ослепительно блиставшего серебра. Когда же я открыл глаза, все вокруг утопало в густом тумане; и на том я вернулся обратно в тело свое».

По окончании этого видения была вознесена благодарственная молитва.

№7. Это духовное путешествие P[erdurabo] предпринял в поисках сил, способных поддержать его кузена, который в то время находился в трудном положении. Как и видение №5, оно началось с молитвы и начертания круга, в середину которого встал Духовидец.

«Пока я молился, мной овладела сонливость; я заметил, что раскачиваюсь взад-вперед. Но вскоре я уже снова твердо стоял на ногах, а затем начал быстро подниматься вверх. Воспаряя все выше и выше, я увидел над собою большой круг; я пролетел его насквозь и обнаружил за ним еще один, больше прежнего. Приблизившись к нему, я увидел, что навстречу мне движется ангел; итак, я вошел в этот круг и преклонил колени.

Видя, что я склонился перед ним, ангел подступил ближе и, взяв меня за руку, поднял и поцеловал. После этого приветствия он спросил, чего я ищущу; и я сказал ему. Когда я закончил свою речь, он взял меня за правую руку и полетел со мною наискось вверх от того места. Пока он нес меня, я посмотрел вниз и пожалел, что пришлось покинуть тот круг, который уже превратился в малую точку далеко подо мною. Стоило об этом подумать, как под ногами у меня возник мраморный пол, из которого бил прямо в небеса огромный столп огня. Глядя на него в изумлении, я почувствовал, что вокруг меня — множество людей, которые поклонялись этому столпу, хотя из-за яркости его блеска я никого не видел. Но вот мои глаза мало-помалу привыкли к свету, и я понял, что этот огненный столп — не что иное, как правая нога некоего колосса.

И великий трепет объял меня при виде того исполина; а затем я пришел в смятенье, ибо увидел, что на мне — красные ризы вместо белых, в которые я был облачен сначала. Но пока я дивился этой перемене, ангел сказал мне: “Они дарованы тебе”, — и тогда я вновь преклонил колени, и наполнила меня великая сила.

И, чувствуя, как вливается в меня эта великая сила, я поднялся, и ангел вручил мне белый жезл, вложив его в правую руку мою; и оросил меня огненный дождь, и каждая капля его, коснувшись меня, распадалась искрами пламени.

Я становился все выше и выше ростом; я тянулся вверх, к лицу исполина. И вот, наконец, я выпорхнул белой птицей из собственного темени — так велико было мое стремление, что я вырвался своего из черепа, как срывается стрела с натянутой тетивы. Я взмыл в небеса — так высоко, что пришлось опуститься ниже; и вот я стал виться вокруг головы колосса и целовать его в губы. Но сколько я ни летал вокруг этой огромной

головы, лицо колосса оставалось укрыто туманом и виделось мне, как гора сквозь пелену метели. И все же я различил, что великан сей похож на бритоголового ассирийца, и на быка, и на сокола, и на египтянина, и на меня самого.

Опьяненный восторгом, я вновь устремился к губам его и влетел в огромный приоткрытый рот.

Выше! Выше! Я поднимаюсь вверх... и вот я — в зале с двумя квадратными колоннами и сияющим оком... Я купаюсь в свете этого ока и в нестерпимом блеске всей этой залы... этот блеск поглощает меня...

И вновь я расту и становлюсь все больше... Я заполняю собою всю залу... Я вырываюсь наружу сквозь темя этой могучей головы, и еще раз целую колосса в губы, а после спускаюсь вниз и воссоединяюсь с маленькой красной фигуркой, оставшейся у его ног.

Я снова делаюсь выше, и мой белый жезл превращается в жезл живого огня. И тут я чувствую, что ангел меня оставил, а на меня снова льется огненный дождь.

На этом я покинул храм и отправился обратно. В воздухе меня окружили какие-то темные формы, и я приказал им окружить меня кольцом. Так я спустился вниз, окруженный стаей орлов, и, спустившись, вознес молитву и воссоединился со своим телом.

Тело мое необычайно укрепилось; я чувствовал, как меня наполняют мощь и сиянье. Я вознес благодарственную молитву».

№10. «Квинс-холл»¹⁴. Во время анданте бетховенской Симфонии до мажор (№5) я облекся белым астральным телом и заполнил собою весь зал. Затем я обратился к Богу и мною овладело страстное желание возносить Ему молитвы и хвалы. В конце концов я усилием воли сосредоточился, уменьшился и вернулся в свое тело».

№14. «Я начертил круг и исполнил “Малый ритуал изгнания”¹⁵, но проделал его плохо, пропустив одну важную часть.

Поначалу мне представилось, что на западе разгорается сияние, а восток, наоборот, потемнел. Размышляя об этом в недоумении, я сам не заметил, как оказался на какой-то грязной улице и увидел неподалеку маленького ребенка, сидящего на крыльце убогой нищенской лачуги.

Я направился к этому дому. Ребенок, увидев меня, поднялся на ноги и поманил меня за собой. Я толкнул дверь — та открылась; ребенок указал мне на прогнившую деревянную лестницу, ведущую на второй этаж. Поднявшись по ступенькам, я оказался в комнате, похожей на кабинет ученого.

Там я увидел маленького старичка. Разглядеть его лицо как следует я не мог — ставни были закрыты.

Он спросил, зачем я пришел.

Я ответил, что хочу расспросить его кое о каких формулах.

Старик раскрыл книгу, лежавшую на столе перед ним, и показал мне один сигил. После того, как я внимательно рассмотрел этот знак, старик объяснил, как его изготовить, и в завершение сообщил мне, что с его помощью призывают “тварей земных”.

Я бросил на него недоверчивый взгляд. Тогда старик коснулся сигила — и тотчас же изо всех щелей и отверстий в полу хлынули полчища крыс и прочих гадов.

¹⁴ «Квинс-холл» — лондонский концертный зал, в котором исполняли классическую музыку.

¹⁵ См. «Liber O». — *Примеч. авт.*

Имеется в виду Малый ритуал изгоняющей пентаграммы; см.: Алистер Кроули. Магия в теории и на практике. Указ. соч., стр. 576—582.

Схема 55

Сигил из книги

Затем старик повел меня по лестнице еще выше, и мы оказались в чердачной комнате (насколько можно было судить при тусклом свете).

В западном конце комнаты лежала на спине обнаженная женщина. Обернувшись, я потребовал у моего проводника-Адепта подтверждающих знаков, и он тотчас же совершил знаки $0^\circ=0^\circ$ и $1^\circ=10^\circ$, но знака $2^\circ=9^\circ$ не показал¹⁶.

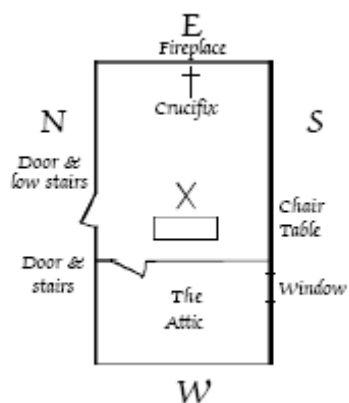

Схема 56

План комнаты Адепта и расположенного над нею чердака

Подписи:

E — Восток

N — Север

S — Юг

W — Запад

Fireplace — Камин

Crucifix — Распятие

Door & low stairs — Дверь и лестница на второй этаж

Chair — Стул

Table — Стол

Door & stairs — Дверь и лестница на чердак

The Attic — Чердак

Window — Окно

Затем Адепт отвернулся от меня и промолвил: “Она в трансе; она мертва, давно уже мертва”. И тотчас же плоть ее истлела и спала с костей.

¹⁶ Эти знаки приводятся в «Liber O». — *Примеч. авт.*

См.: Алистер Кроули. Магия в теории и на практике. Указ. соч., стр. 592.

Я хотел было попросить объяснений, но не успели слова слететь с моих губ, как я увидел, что она снова цела и кости опять облеклись плотью. Медленно поднявшись, она внезапно упала вновь, лицом вниз. Несколько мгновений она лежала неподвижно, но затем поползла по грязному дощатому полу к Адепту; кожа ее блестела и как будто сама собой скользила и вилась вокруг костей. Приблизившись к Адепту, женщина обняла его ноги и, сладострастно извиваясь, поползла по ним вверх.

“Возвращайся в свой хлев”, — низким, повелительным голосом приказал он, и тут мне стало очень жаль ее.

Заметив мое сочувствие, Адепт повернулся ко мне и сказал: “Она — само вожделение: плоть ее обновилась и стала прекрасна, но суть ее — тлен. Она лишает мужчину силы”.

Я поблагодарил Адепта, но он, не обращая внимания на мои слова, указал мне сквозь прореху в крыше на далекую звезду и велел: “Отправляйся туда”.

Я повиновался и взмыл в небеса, как комета, облаченный в длинные белые ризы и со сверкающим ятаганом в руке.

Избежав многих опасностей от попадавшихся мне на пути раскаленных и пышущих жаром солнц, я благополучно достиг своей цели и оказался на берегу озера, по которому плыла лодка, а в лодке стоял человек.

Увидев меня, он крикнул: “Кто ты такой?”

Я объяснил ему, и лодка приблизилась к берегу настолько, чтобы я смог в нее прыгнуть. Так я и сделал, а новый мой проводник взял весла и принялся торопливо грести — куда, я не мог разглядеть, ибо вокруг стало темно.

“Скоро ли я увижу твоего хозяина?” — спросил я. В ответ на что он окинул меня яростным взглядом, и глаза его сверкнули, как пылающие угли в ночи.

“Я — тот, кто стоит в ладье, — молвил он. — И я велик. Звезда на челе моем”.

Я не ответил, так как не понял, что он имеет в виду, но вскоре мы достигли берега и вошли в пещеру, у входа в которую стоял некто, видом подобный человеку, но покрытый бронзовой чешуей, рогатый и ужасный. Цветом он был как ярь-медянка, но лицо отливало чернотой. В руке у него была палица.

“Назови свое имя!” — крикнул я, приближаясь к нему.

“Йокам”, — мрачно ответил он.

“Каков твой знак?” (Тут я повторил пропущенную часть ритуала изгнания.) Он задрожал, и я понял, что он труслив; так ему пришлось вручить мне свой сигил, хоть это и пришлось ему не по нраву.

Схема 57
Сигил Йокама

Выяснилось, что имя его пишется как **יִוְכָמָא**. Больше у меня не осталось к нему вопросов, и, велев ему отступить с моего пути, я двинулся дальше.

В дальнем конце пещеры, у самого выхода, ко мне в объятия внезапно бросился человек, которого я раньше не видел; обернувшись, я понял, что за ним гонится Йокам. Заслонив его от преследователя, я велел этому незнакомцу совершить знак Каббалистического Креста, чего он, однако, сделать не смог.

Тогда я спросил: “Какому богу ты поклоняешься?”

“Увы! У меня нет бога”, — ответил он.

Услышав это, я позволил Йокаму схватить его, и тот поволок свою добычу обратно в пещеру, откуда до меня вскоре донеслись ужасные душераздирающие вопли.

Я же покинул пещеру и снова оказался у озера. Тут с воды поднялся большой альбатрос, и тотчас же я оказался вдали от этой звезды; меня окружили птицы огромной стаей и перенесли обратно на чердак, в жилище Адепта.

Меня это весьма обрадовало; Адепт же, увидев, что я вернулся, подошел ко мне, взял меня за руку и молвил: “Продолжай!” — и я ощутил, как с этим словом в меня влились великие силы.

Тогда я спросил насчет “Абрамелина”, об Операции которого я много размышлял в то время; но в ответ старец лишь повторил: “Продолжай!”

“Я добьюсь успеха?” — спросил я.

“Никто не может сказать этого заранее”, — с улыбкой ответил он.

“Есть ли нечто такое, без чего нельзя преуспеть, но о чем эта книга умалчивает?” — спросил я.

“Нет!” — сказал он.

На этом я покинул его дом и, став по пути свидетелем какого-то странного поединка, вернулся в свое тело».

№15. Это духовное путешествие было предпринято в поисках отдохновения. Оно проходило в храме, обустроенном самим R[erdurabo], и, как обычно, началось с Малого ритуала изгнания.

«Храм, в котором я находился физически, постепенно преобразился чудесным образом. Я увидел, как по полу стелется перьями сверкающий белый туман; окутав меня пеленою, он собрался в гигантский столп, который вознес меня вверх, через крышу, на огромную высоту. Когда пелена вокруг меня распалась, я увидел, что стою посреди прекрасного зеленого поля, а рядом со мною высится в торжественном молчании некая сияющая сталью и серебром, но невооруженная фигура.

“Добро пожаловать”, — со сдержанным достоинством обратился ко мне незнакомец.

Затем он подвел меня к голубому пруду и велел прыгнуть в воду, что я и сделал. Нырнув и пустившись вплавь, я взметал миллионы брызг, сверкавших, словно сапфиры.

Вода была восхитительно прохладной и освежающей; но вскоре я понял, что это еще не конец пути: на дальнем берегу возвышался сияющий серебряный дворец.

Подплыв к берегу, я выскочил на сушу и направился к этому чудесному зданию. Вокруг резвилось множество прекрасных существ. Но тут я понял, что поторопился: на меня внезапно налетела гигантская волна, подхватила и понесла куда-то вверх. Я обнаружил, что превратился в лилию; белый венчик мой был раскрыт; я рос в саду среди бесчисленного множества таких же белых цветов.

Но там я пробыл недолго; вскоре мне вновь вернули человеческий облик. Я поднял руки над головой и раскинул их крестом.

Теперь я был облачен в серебристо-серые одежды, а передо мною высился большой храм из белого мрамора. Я тотчас же простерся ниц перед ним, а затем встал и вошел внутрь. В храме все сияло прекрасной белизной.

Я увидел перед собою серебряный кубический алтарь и преклонил перед ним колени. Тотчас меня окутала влажная прохлада; сладостная свежесть ее, как от утренней росы, наполнила меня ликованьем. Я увидел у себя под ногами прохладный ручей и, наклонившись, омыл руки. Тут ко мне слетел ангел с зелеными одеждами и вручил их мне. Поначалу я не желал надевать их, но затем все же повиновался; поносив немного эти одежды, я снял их и принес в жертву — и они тотчас же превратились в огненный венец.

Затем я услышал голос: “Желаешь ли ты стать стражем?” И, не успев я ответить ни “да”, ни “нет”, как меня окружили прекрасные девы и облачили меня в серебряные доспехи и красный плащ.

Меня повели к северному входу во храм, перед которым собралась большая толпа людей; с моим приближеньем они подались назад. Чей-то голос шепнул мне: “Бей!” — и, яростно выхватив меч из ножен, я ударил три раза, и после каждого удара поднимался великий плач.

Сокрушив этими тремя ударами многих и многих, я сошел в толпу, оставив меч там, где раньше стоял. Сперва я подумал, что должен за ним вернуться, но, как ни старался, все было тщетно; и тут у меня в руках оказалось новое оружие — пучок могучих перунов, а из-под ног поднялся огромный полый столп клубящегося дыма. Я заглянул внутрь этой колонны и увидел на дальнем ее конце темную поверхность земли. Глядя, как вращается подо мною земной шар, я внезапно ощутил сильнейшее желание расширить свое сознание так, чтобы оно охватило собою Всё. Я попытался и потратил на это немало времени, но результат оказался скромным.

Из этой колонны дыма я вернулся к храму и вошел в него через западные врата. Обнаружив у себя на голове золотую корону, я снял ее и высоко поднял; она засияла в белесом тумане, как белый огонь. Тут ко мне приблизился ангел и снова возложил корону на чело мое, и мне показалось, будто сквозь меня прохладным дождем льется золото. Затем внезапно я поднялся в воздух и перенесся в другой храм. Меня провели в его южную часть, где я увидел сверкающий алтарь; лучи, исходящие от него, пронзали меня насквозь. Все еще ослепленного этим сиянием меня повели на север, к другому алтарю (Бине); там мои глаза умастили холодным расплавленным серебром, и тотчас же я увидел перед собою некий смутный женский облик.

После этого я прошел к центральному алтарю, и там с меня спали все мои облачения. Вооружившись мечом и облекшись в красную мантию, дабы не пострадать по пути от астральных созданий, я спустился на землю и вернулся в свое тело».

№18. Это духовное путешествие P[er]durabo] предпринял, дабы узреть Сапфо.

«Я был вознесен ввысь с ошеломляющей скоростью; пока я летел, ко мне приблизился некий ангел, по видимости, желая помочь; но я не замедлил хода и продолжал подниматься. Я всё летел и летел; путь оказался долгим на удивление.

Но вот, наконец, я прибыл в какую-то незнакомую страну и, придя в себя, облекся божественным образом — насколько я понял, то был облик Дианы. Затем я воззвал к Сапфо, и она тотчас же появилась передо мной — невысокая смуглая женщина с дивной кожей и темными с медным отливом волосами. Лицо ее показалось мне очень красивым, но черты его были напряжены от страстного желания, спутанные волосы развевались, а в глазах сверкало безумие.

Увидев меня, она преклонила передо мною колени. Я попытался ее успокоить и протянул к ней руки, но она принялась покрывать их поцелуями. За спиной ее виднелись белые астральные формы плачущих женщин — то были ее многочисленные возлюбленные.

Я привлек ее в круг, в котором стоял сам, и, подняв ее с колен, нежно коснулся ее лба. Затем я вернул себе свой обычный облик, от чего она пришла в невероятное изумление и успокоилась лишь после того, как я поведал о своей великой любви к ней. Обнявшись, мы вознеслись с нею вдвоем в некое место, где нас приветливо встретили ангелы. Нам было велено пройти между столпами во храм; исполнив это, мы увидели перед собою огромную коленопреклоненную фигуру какого-то восточного божества.

Спереди он был с лицом и телом человека, с человеческими руками и ногами, но сзади — с телом льва.

Сапфо совершила знак $0^{\circ}=0^{\circ}$, и я на него ответил, как положено; и тогда исполин поднялся и благословил нас, и мы обнялись. Затем я опустился на колени перед Сапфо и сказал ей:

“Ты уделила мне от своей силы и привела меня в свое святилище; теперь я сделаю для тебя то же”.

В ответ она взяла мои руки в свои, и по жилам моим заструился, как живое пламя, дивный поток блаженства и страсти. Поднявши голову, я стал осыпать ее грудь страстными поцелуями, и вдруг заметил, что стал женщиной, как и она!

Тут ко мне приблизился ангел и посоветовал быть воздержаннее. Овладев собою, я с полным спокойствием вошел в ее тело и сразу же ощутил всю ее страсть и томление. Великая радость и упоенье охватили меня, и тотчас мы с нею преобразились в какую-то большую бурю птицу, которая участвовала в некоей мистической церемонии, где жрецом был тот исполинский человек-лев. Затем мы вновь поднялись выше и вернули себе человеческий облик, но стали выше ростом, чем прежде.

Мы увидели перед собою некоего благородного, прекрасного и царственного мужа (Тиферет); в руке его был меч, пылавший ослепительной белизной. Он протянул к нам этот меч, а его слуги, ангельские создания, запели какую-то нежную и благозвучную песнь. Затем он вложил свой меч в наши уста, и пламя его тотчас вырвалось из них и полилось бесконечной и нестерпимой песнью; но вот, наконец, все прекратилось, и меч вернулся к царю.

Тут я заметил, что мы поднялись выше солнца: оно сияло у нас под ногами. Снова преобразившись в бурю птицу, мы облетели солнце кругом, купаясь в его огненных лучах и пламенеющей лаве.

Наконец, я захотел вернуться, но никак не мог отделиться от Сапфо — все это время я находился в ней. Уже начиная отчаиваться, я трижды воззвал к Ахейре, и вскоре тот появился. Я объяснил ему, в чем мое затруднение. Он занес свой меч и ударил нас, и мы с Сапфо разделились, снова став такими же, как при первой встрече. Сапфо стояла с распростертыми руками. Мы ощутили, как в нас входит поток силы, но тут я заметил, что после разделения оказался слева от Сапфо, и снова обратился к Ахейре, пожаловавшись на ошибку: я хотел разделиться таким образом, чтобы Сапфо оказалась от меня слева. Свою любовь я оставил ей, но сила моя принадлежала Богу.

Все это я объяснил Ахейре, но тот сказал, что я ошибаюсь: мы были разделены именно таким образом, чтобы я смог воспринять поток силы, а она — поток милосердия¹⁷.

Затем мы вернулись во храм, беседуя по пути, и сказал ей: “Войди со мною во храм живого Бога!”

Она подчинилась и вошла следом за мною, а затем преклонила колени у алтаря и, взмахнув кадилом, вознесла хвалы Владыке Вселенной.

Н этом мы обменялись рукопожатием степени $1^\circ=10^\circ$, поцеловались и простились друг с другом; она пообещала, что будет время от времени навещать этот храм, и присматривать за мной, следить за моей работой и помогать мне, когда я ее позову.

Затем я также преклонил колени перед алтарем, восхваляя Владыку Вселенной; она же стала подниматься вверх и устремилась на восток, на прощание бросив мне через правое плечо взгляд, полный любви, и помахав рукой. Я произнес ее имя в последний раз и, вновь обратившись к Владыке Вселенной со знаком Каббалистического Креста, вернулся в свое тело».

Таковые некоторые из ранних видений Брата P[erdurabo]. Они представляют собою ряды быстро сменяющихся и, по большей части, не связанных между собою картин, стремительно проносящихся мимо духовидца, подобно городским домам, что мелькают за окном быстро мчащегося поезда. Наблюдатель не замечает улиц, которые соединяют между собой эти дома; зачастую ему не удастся рассмотреть целиком даже сами здания; он не различает ни окружающих их участков земли, ни материалов, из которых они построены. Тот, кто никогда раньше не ездил на поезде, — скажем, бушмен, впервые в жизни покинувший свой родной крааль, — придет в недоумение от такого калейдоскопа картин, изумившись их невероятной хаотичности. Будет вполне извинительно, если поначалу он даже усомнится в правоте собственных чувств. Ему почудится, что поезд

¹⁷ На Древе Жизни левый столп — Столп Суровости, или Силы, правый — Столп Милосердия.

стоит на месте, а движутся картины за окном, появляясь, преображаясь и скрываясь из виду с головокружительной внезапностью: вот мелькнула кровля... трубы... просвет между домами... дерево... церковный шпиль... вот открылся вид на длинную улицу — и тотчас исчез; вот показалось высокое здание банка... снова просвет... туннель и непроглядная тьма; а вот и снова свет — и вновь это бесконечное мельканье и смена бесчисленных и разнообразных построек.

Но городской клерк ничему подобному не удивляется, потому что знает (и знает даже слишком хорошо, чтобы обращать на это внимание!), что дома, мимо которых он мчится, сложены из кирпича и известкового раствора, построены в соответствии с четкими геометрическими и архитектурными планами и связаны между собою улицами и дорогами, газо- и водопроводами и канализационными трубами; что каждый из этих домов — сам по себе микрокосм, упорядоченный, регулируемый и управляемый определенными нормами, обычаями и законами, то есть некое организованное целое, которому недостает лишь дыхания жизни, чтобы на глазах пораженных ужасом прохожих сняться с места и, подобно какому-нибудь сказочному великану, зашагать прочь по своим делам.

Схожим образом и адепт прекрасно знает, что за подобными видениями стоит некое обширное и упорядоченное царство; он видит закон и порядок за всем их кажущимся хаосом. Он понимает, что все эти внезапные перемены, перелеты от синих морей к серебряным храмам, мелькание образов, все эти огненные столпы, молещущики, красные ризы, ястребы, квадратные колонны, стаи орлов и так далее объясняются отнюдь не беспорядком, царящим в мире видений, а тем, что в сознании самого созерцателя, пытающегося истолковать увиденное в рациональных знаках и словах, отсутствует система для расшифровки этих символов.

Любая последовательность мыслей — это всего лишь цепь вибраций, или волн, возникающая вследствие контакта некоего органа чувств с тем или иным символом или рядом символов. «Находясь под управлением Разума и Воли, эти волны гармоничны и имеют равную длину. Но если низшая Воля и Разум теряют над ними власть, то волны становятся нестабильными и дисгармоничными». Так утверждается в документе G : D : под названием «Тайная Мудрость Малого Мира, или Микрокосм-Человек». Далее из этой рукописи мы узнаём, что

...У пьяного человека равновесие в сфере чувственного восприятия, а соответственно и в Нефеш, нарушено. Поэтому каждая волна, порождаемая лучами мысли, испытывает сильные возмущения, так что у границ физического тела, где оканчивается область действия Руаха, сфера восприятия Нефеш постоянно дрожит и колеблется. В результате символы, возникающие в сфере чувственного восприятия, ослепляют мысль, подобно тому как слепит глаза дрожащее или качающееся зеркало. Создается впечатление, будто сфера чувственного восприятия вращается вокруг тела, и это вызывает тошноту, головокружение и потерю ориентации в пространстве.

Как мы видим, подобные состояния возникают тогда, когда Нефеш становится сильнее Руаха или, иными словами, Чувство подавляет и выводит из равновесия Разум.

В последнем видении (№18) плоды усилий Руаха более заметны, чем в остальных, и это, вне сомнения, объясняется тем обстоятельством, что P[erdurabo] в этом духовном путешествии поставил перед собой четкую и определенную цель, а именно — увидеть Сапфо. На первый взгляд, то же самое можно было бы сказать и о видении №7, но по здравом размышлении станет очевидно, что это не так. Ибо в седьмом видении P[erdurabo] искал силы для помощи своему кузену, а, следовательно, был слаб, о чем свидетельствовала суть его просьбы; и, кроме того, эта цель была достаточно абстрактной

по сравнению с той, которую он преследовал в видении №18, а потому и образность седьмого видения оказалась менее связной. Восемнадцатое видение с момента появления Сапфо развивалось, не считая отдельных редких перерывов, вполне рационально (да простится нам это недостойное слово), в отличие от седьмого, весьма смутного и расплывчатого.

Рассматривая эти, равно как и позднейшие видения Брата P[erdurabo], необходимо иметь в виду, что критерием их ценности является не только непрерывность цепочки идей и возможность их последующего осмысления, но и, превыше всего, простота. Простота — самый надежный наш провожатый; ибо мы пока что имеем дело с видениями ученика, от которого ожидается, что свои видения он будет прорабатывать во всех подробностях, как школьник — математические задачки. Математик, овладевший в совершенстве своей наукой, может при желании экономить время и силы при помощи различных алгебраических и логарифмических уловок; но многие из этих приемов, вполне дозволительных для мастера, покажутся нам столь же непонятными и причудливыми, как блуждания новичка, сбившегося с пути. Кроме того, не следует забывать еще одно обстоятельство: чем глубже мы погружаемся в оккультные науки, тем труднее нам выражать свои мысли в обычных словах и фразах, несмотря на то, что наш язык зачастую становится проще. От сложной терминологии мы переходим к простым парадоксам, от философских и научных символов — в область чисто лингвистической тайнописи, а оттуда — к безмолвию.

Осознанная классификация и интерпретация явлений, открывающихся Духовному Взору (в отличие от обычного физического зрения) — одна из основных задач, предписанных Младшему Адепту, то есть человеку, прошедшему посвящение в степень $5^{\circ}=6^{\circ}$. P[erdurabo] к тому времени еще не достиг этой степени. Но в другой части вышеупомянутого документа, так и озаглавленной — «Задача Младшего Адепта», суть этой работы сформулирована кратко и ясно:

Итак, вот задача, за которую надлежит взяться Младшему Адепту. Он должен очистить сефирот собственной Нефеш от влияния темных сефирот¹⁸.

Он должен привести сефирот Руаха в равновесие и соответствие с сефирот сферы Нефеш.

Он должен следить за тем, чтобы Низшая Воля и Человеческое Сознание не опустились в область, отведенную Инстинктивному Сознанию, и не захватили его место.

Он должен следить за тем, чтобы Царь Тела, Низшая Воля, повиновался Высшей Воле и всегда был готов исполнить ее повеление; чтобы этот Царь Тела не узурпировал власть, принадлежащую по праву Высшей Воле, и не превратился в сладострастного тирана, но стал Посвященным Владыкою, Царем-помазанником, наместником вдохновляющей его Высшей Воли и представителем ее в Царстве Человека.

Тогда Высшая Воля, она же Низший Гений, снизойдет во Дворец Царя сего. И когда Высшая Воля и Низшая Воля сольются воедино, Высший Гений снизойдет в Кетер Человека, озарив его ослепительным сиянием своей Ангельской Природы. И будет с Человеком то же, что стало с Енохом, о коем сказано: «И стал Енох ходить постоянно с сущью Элохим, и не стало его без нее, ибо Элохим взяли его»¹⁹.

<...>

¹⁸ Т.е. клипот.

¹⁹ Быт. 5:24, в русском синодальном переводе: «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его».

И еще одну великую тайну надлежит узнать Младшему Адепту, а именно, каким образом духовное сознание может действовать за пределами сферы чувственного восприятия.

«Мысль» — могучая сила, если она направляется к цели всею мощью Низшей Воли, остается под управлением разума и озарена светом Высшей Воли.

Поэтому тебе и советуют призывать на помощь в своих оккультных трудах Имена Божественные и Ангельские: когда ты взываешь к ним, твоя Низшая Воля с готовностью воспринимает потоки, исходящие от Воли Высшей, которая есть также Низший Гений, отображающий в себе всемогущие силы.

В этом и состоит суть магических действий посвященного при «созерцании духовным зрением».

Собственная его сокровенная мудрость открывает перед ним расположение и соответствия Макрокосмических Сил. Избрав из множества символов один-единственный и уравновесив его дополняющими символами, маг направляет луч мысли из своего Духовного Сознания, озаренного Высшей Волей, непосредственно в ту область своей сферы чувственного восприятия, или М.З.В.²⁰, которая созвучна с избранным символом. И там перед ним открываются, словно в зеркале, свойства этого символа, отраженные из Макрокосма, сияющие из Беспредельной Глуби Небес. Сосредоточив все части своего сознания, слитые воедино, на избранной точке сферы восприятия, посвященный может воспринять непосредственное отражение луча, исходящего из Макрокосма.

Как только этот макрокосмический луч отразится в его Мысли, посвященный может слиться с лучом своей мысли и тем самым напрямую соединить средоточие своего сознания с соответствующей точкой Макрокосма. И даже если он не сосредоточится на реальной точке сферы восприятия, не сольется с нею, а лишь слегка коснется ее лучом мысли, то и в этом случае он воспримет отражение Макрокосмического Луча, соответствующего данному символу в сфере его сознания. Но поскольку объединенное сознание не смогло сосредоточиться на луче мысли, направленном к избранной точке сферы чувственного восприятия, или М.З.В., то к этому отражению будет примешиваться часть собственной природы мага, а потому оно в известной степени окажется неистинным. По этой причине духовные видения, воспринимаемые без должной подготовки, так часто изобилуют разнообразными неточностями. Ибо неподготовленный ясновидец, даже свободный от иллюзий и одержимости²¹, все равно не знает и не понимает, как слить воедино все ипостаси своего сознания и как гармонизировать свою сферу восприятия со Вселенной-Макрокосмом.

Более подробно искусство созерцания духовным зрением рассматривается в документе G.:D.: под названием «О путешествиях при помощи духовного зрения», где данный способ установления контакта с Высшей Волей описывается так:

²⁰ Магического зеркала Вселенной. — Примеч. авт.

Магическое зеркало Вселенной — в материалах G.:D.: синоним понятия «сфера чувственного восприятия». Также она именуется аурой и мыслится как сферическая оболочка из тонкой астральной субстанции, окутывающая и пронизывающая насквозь физическое тело человека. Поверхность этой сферы — граница Микрокосма; все, сущее в Макрокосме, отображается внутри нее. Таким образом, сфера чувственного восприятия человека представляет собой уменьшенное подобие Макрокосма и содержит проекцию Древа Жизни.

²¹ Под каковой понимается разрыв между Высшей и Низшей Волей. — Примеч. авт.

Избрав для себя символ, место, направление или план, на который предстоит отправиться, Адепт, как было сказано выше, посылает луч мысли в соответствующую область сферы восприятия Нефеш. Луч мысли летит, как стрела, выпущенная из лука. Он пронзает границу сферы чувственного восприятия и попадает прямо в намеченную цель. Как только это произойдет, Низшая Воля, озаренная Волей Высшей, формирует сферу Астрального Света и посылает ее отражение по этому же лучу мысли. Материал для формирования сферы Астрального Света частично притягивается из окружающей атмосферы. Затем вдоль того же луча мысли внутрь сферы света посылается двойник Созерцателя, и в этого двойника проецируется объединенное сознание.

Сфера Астрального Света, таким образом, представляет собой копию Сферы чувственного восприятия. Как сказано, «только уверуй, что ты превознесся над телом, — и, се: так и есть!»²²

Однако при астральной проекции часть сознания должна оставаться в теле, чтобы охранять от враждебных влияний часть луча мысли, оказавшуюся за пределами сферы восприятия (равно как и саму сферу восприятия в той точке, где ее пронзил луч мысли). Поэтому сознание, заключенное в проекцию, не столь сильно, как сознание, сосредоточенное в человеческом теле в обыденной жизни.

Возвращение выполняется в обратном порядке. Следует помнить, что операции созерцания и путешествия при помощи духовного зрения весьма утомительны, если только Нефеш и физическое тело мага не обладают исключительной силой и здоровьем.

Более опытные и подготовленные адепты пользуются также другой техникой астральной проекции. Сначала они формируют астральную сферу из своей собственной сферы чувственного восприятия, затем помещают в нее свое отражение, а затем, как было описано выше, проецируют эту сферу целиком в желаемое место. Но этот способ непрост, и использовать его могут только опытные маги.

Если научиться выполнять подобную проекцию сферы чувственного восприятия в любое избранное место, то, фактически, можно достичь наивысшего просветления — если избрать местом назначения самого Бога или Кетер.

Однако начинающему магу этот метод Достижения покажется весьма неопределенным и неуравновешенным, ибо его собственные астральные путешествия будут состоять из череды сюрпризов и неожиданностей, — а все потому, что он почти всегда отправляется в путь, не имея четкого представления о том месте, в которое старается попасть, и о маршруте, которым следует двигаться. Его можно уподобить путешественнику в неизведанных краях: чем дальше он отходит от своих родных земель, тем более диковинными и необычными кажутся ему земли, по которому он странствует. По мере того, как он удаляется от дома, язык, на котором говорят встречные, меняется, как будто смешиваясь с элементами другого языка, не совсем уж незнакомого, но все же иного; эта смесь языков, в свою очередь, тоже претерпевает изменения, и так, постепенно, преобразуется все окружение, пока, наконец, наш странник не окажется в совершенно новых краях, отличающихся от тех, с которых он начал свой путь, не меньше чем экваториальный лес — от заснеженных полярных просторов.

В зависимости от того, насколько путнику хватит сил, окружение может измениться за время путешествия как незначительно, так и весьма существенно; однако в

²² «Халдейские оракулы», §181.

любом случае путешествие окажется бесполезным, если странник не сможет каким-то образом упорядочить для себя тот поразительный хаос, который являет неподготовленному взгляду эта смена впечатлений. Как в географии невозможно было получить точные сведения о форме Земли до тех пор, пока не появились путешественники, поставившие это своей целью (подобно Колумбу, который отправился в свое великое плавание как исследователь, вооруженный необходимыми инструментами), так и в астральных путешествиях почти или совершенно невозможно получить полезную духовную информацию, если Созерцатель не направляет (или, по крайней мере, не задается целью направить) свою сферу чувственного восприятия в какое-либо конкретное и четко определенное место. И если он ставит своей задачей путешествие по определенным путям или областям Древа Жизни (именуемое Восхождением на планы), то, в конечном счете, избрав своей целью Кетер, может прийти к наивысшему Достижению, как было сказано выше.

Восхождение на планы — это весьма конкретный и определенный мистический процесс. Двое посвященных, устремившихся в одной и той же цели, обнаружат между своими путевыми впечатлениями не меньше сходства, чем двое обычных путешественников, отправившихся, допустим, из Лондона в Париж.

Разумеется, при этом следует принимать в расчет карму и окружение человека: они влияют на характер Восхождения на планы столь же существенно, сколь и на характер путешествия в Париж. Один путешественник может ехать третьим классом, другой — первым; одному дорога может показаться очень красивой, другому — нет; но все равно оба будут знать, когда придут в Дувр, оба заметят, что переплыли Ла-Манш, и оба признают, что добрались, наконец, до Парижа, когда их путешествие окончится, — несмотря на то, что впечатления от всех этих мест могут различаться у них во многих частностях.

Вышеописанный метод Восхождения на планы особенно интересен не только потому, что теснейшим образом связан с восточными методами йоги²³, но и потому, что мы располагаем массой свидетельств о его практических результатах — множеством конкретных фактов, поддающихся обобщению и позволяющих построить некую теорию.

© Перевод: Анна Блейз, 2008

www.oto.ru

²³ Вся теория и практика раджа-йоги направлены на пробуждение так называемой силы кундалини (которая в обычном состоянии дремлет, свернувшись кольцами, в области крестцового сплетения) и последующее возведение этой силы вверх по каналу, именуемому «сушумна» и проходящему через центр позвоночного столба. «Когда кундалини пробуждается и входит в канал сушумны, всё восприятие переносится в ментальное пространство, или читтакасу. Когда же она достигает вершины этого канала, впадающего в головной мозг, безобъектное восприятие смещается в пространство знания, чидакасу» [Свами Вивекананда. «Раджа-йога», глава IV]. Как при восхождении по Срединному столпу Древа Жизни путешествующий в духе проходит через определенные центры — Малкут, путь Тав, Йесод, путь Самех, Тиферет, путь Гимел, Даат и Кетер, — так и в сушумне имеются свои центры, или чакры: муладхара, свадхистхана, манипура, анахата, вишуддха, аджна и сахасрара. Другие соответствия см. в книге «777». — *Примеч. авт.*